ясностью „въ чемъ его вѣра“, отзывался на всѣ вопросы жизни, и онъ загадочнѣе Чехова, который никогда и не пытался исповѣдываться и опредѣлять свою вѣру, и столь же загадоченъ, какъ Гоголь и Достоевскій. Жизнь Толстого таитъ въ себѣ какую-то *невысказанную трагедію*. О многихъ печаляхъ и мученіяхъ своей жизни Толстой говоритъ съ откровенностью, которая кажется часто ненужной. Но о чемъ-то самомъ печальномъ въ своей жизни онъ молчитъ. Молчитъ, можетъ-быть, потому, что и *не можетъ* сказать и *не хочетъ* сказать. Нѣкоторые хотятъ представлять себѣ жизнь Толстого какъ жизнь, полную исключительнаго душевнаго здоровья и подобную жизни древнихъ патріарховъ. Но мы уже знаемъ теперь, какое ужасающее несогласіе въ семейной жизни прикрывалось видимостью внѣшняго мира. И „исключительное душевное здоровье“ Толстого есть одинъ изъ многихъ интеллигентскихъ миѳовъ, которыми думаютъ закрыться отъ какой-то трудной и тяжелой *правды*. Есть что-то скрытое и страшное въ жизни Толстого, что фатально отразилось на всемъ его „дѣлѣ“, что поразило внутреннимъ безплодіемъ вторую половину его дѣятельности.

И если мы хотимъ себѣ отдать отчетъ, что такое Толстой, если мы, сочувственно проникая въ личную жизнь Толстого, будемъ правдивыми передъ собой и благочестивыми передъ его памятью и передъ его безсмертной душой,—мы должны постараться заглянуть въ это скрытое и страшное его жизни и избавить *себя и его* отъ вольной и невольной лжи, которой самъ онъ сознательно и безсознательно не разъ подавалъ поводъ.

II.

Есть два Толстыхъ: Толстой *природный* и Толстой *искусственный*. Первый Толстой—богоданный, съ дивной щедростью одаренный благосклонной къ нему, какъ къ любимцу своему, Матерью Землею, въ основѣ своей таящій дядю Ерошку, веселаго человѣка, который всѣхъ и все любитъ, который не можетъ и не хочетъ каяться ни за одинъ свой „грѣхъ“. Второй Толстой—надуманный, безъ всякихъ даровъ отъ ума своего обо всемъ разсуждающій мыслитель, упорный моралистъ, выросшій изъ Нехлю-